

МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И КАНАДЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩИХ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Зайка К.В.

Традиционную модель национальной интеграции, предполагающую совпадение культурных и политических границ, всегда было сложно реализовать. Тем более проблематичной реализация этой модели стала после середины 1960-х годов, когда в большинстве западных стран была проведена либерализация иммиграционной политики, в результате которой резко увеличилось этнокультурное многообразие общества. Следствием этого стал частичный отказ в ряде стран от ассимиляционистской модели национальной интеграции и переход к «политикам признания», а именно, к обеспечению возможности выражения культурных отличий в публичном пространстве. В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, политическая культура государств Северной Америки (США и Канады), возникших в результате поселений колонистов из различных европейских стран, никогда не предполагала популяризацию в обществе представлений об этнокультурном ядре нации. Соответственно, постклассические представления о национальной интеграции достаточно органично вплетаются в современную политическую культуру североамериканских государств. В качестве

основного объяснительного фактора для анализа моделей национальной интеграции в представленных западных странах в условиях возрастающих иммиграционных притоков и увеличивающегося этнокультурного многообразия общества в послевоенное время автором принимается специфика политической культуры и политической истории соответствующих стран.

Общие положения, характерные для послевоенной политической истории стран либеральной демократии и трансформации в моделях национальной интеграции

Условно можно выделить два типа интеграции¹:

- ассимиляцию («плавильный котел» как разновидность ассимиляции);
- культурный плюрализм;

Среди западноевропейских стран *ассимиляция* характерна для Франции. В британском обществе господствует принцип «*сегрегированного культурного плюрализма*»: этнокультурные меньшинства участвуют в политической жизни в качестве групп. В США до 1960-х годов *ассимиляционистская кон-*

¹ См.: Birch A. Nationalism and National Integration, London, Unwin Hyman Ltd, 1989. С. 49.

цепция национальной интеграции расходилась с политической практикой по ряду причин. Во-первых, афро-американцы были исключены из национальной политики. Во-вторых, на уровне практики культурное многообразие американского населения проявлялось и в публичном поле в рамках конфессиональных организаций. В Канаде в силу особенностей политической истории сформировалась установка на «инклюзивный культурный плюрализм» как на механизм сохранения целостности политического сообщества.

В европейской исторической перспективе политическое единство сообщества связано с представлениями об (этно)культурной гомогенности. Принадлежность к нации предполагала определенную культурную лояльность. Этнокультурные меньшинства считались препятствием для поддержания интегрированности обществ. Представления о совпадении политических и культурных границ обусловили отношение властей европейских государств к интеграции меньшинств посредством проведения политики ассимиляции. Такая установка характерна для ряда западных стран, в частности, для Франции с ее гражданской моделью нации и традициями республиканизма.

В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, государства Северной Америки (США и Канада), возникшие в результате поселений колонистов из различных европейских стран, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Хотя публичная культура в иммиграционных государствах формировалась по определенным культурным образцам, пред-

ставления об «этнокультурном ядре» нации для них не характерны. Иммиграционные государства можно назвать особым «режимом толерантности»: «иммиграционные общества не имеют явного культурно-этнического «ядра»: здесь нет «национального большинства», в культуру которого вливались бы национальные меньшинства. Здесь все в известном смысле — меньшинства, так что сформировавшаяся в рамках государственных границ общая культура представляет собой продукт взаимных уступок и взаимного приспособления многих групп»². В иммигрантских обществах не работает основной принцип национализма, являющийся основой современных внутривнутриполитических и международно-политических отношений, а именно — совпадение культурных и политических границ сообщества, представляемого прежде всего в этнических категориях.

В послевоенный период для всех западных стран характерны следующие процессы:

- массовая иммиграция из стран «третьего мира»;
- либерализация иммиграционной политики (радикальная или относительная);
- смещение фокуса интеграционной политики на включение в публичное пространство прав меньшинств.

До окончания Второй мировой войны этнокультурное многообразие в странах Западной Европы в основном являлось результатом присутствия

² Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 40–49 // Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. С. 254. [Walzer M. On Toleration. Yale University Press, 1997].

исторических этнокультурных меньшинств и беженцев из соседних европейских стран в результате войн. *Массовую иммиграцию из стран третьего мира* западноевропейские общества испытали только после войны. Причинами массовых иммиграционных потоков в западные страны стали следующие факторы:

— признание права на свободный въезд в бывшие метрополии для «постколониальных субъектов»;

— послевоенный экономический бум и привлечение трудовых мигрантов;

По этническому составу потоки иммигрантов были обусловлены колониальным прошлым западноевропейских стран: выходцы из Пенджаба и Пакистана сконцентрировались в Великобритании; выходцы из стран Магриба и из стран, расположенных к югу от Сахары, — во Франции; политика привлечения трудовых мигрантов в Германии привела к тому, что в этой стране обосновались турки и курды. К массовым миграционным потокам привели также процессы пересмотра государственных границ в Восточной и Центральной Европе после окончания Второй мировой войны. Возникли новые категории граждан:

— «этнические немцы» и «перемещенные лица» из Восточной Европы в Германии;

— колонисты из Алжира во Франции;

— иммигранты из стран Содружества в Великобритании после распада Британской империи³.

В результате массовой иммиграции в западных странах частично изменился этнокультурный состав населения. Сформировались этнокультурные меньшинства иммигрантского населения. В настоящее время большинство западноевропейских обществ фактически являются иммиграционными. То обстоятельство, что в самоописаниях западноевропейских стран до сих пор господствуют идеи о культурном ядре, обусловило идеологическую неподготовленность многих западноевропейских обществ к последующим политическим и культурным требованиям со стороны иммигрантов.

Во всех странах Запада в период с 1945 г. и до начала экономической рецессии первой половины 1970-х годов наблюдались процессы *либерализации иммиграционной политики*. В Германии проводилась политика по массовому привлечению трудовых мигрантов. Во Франции и Великобритании либеральная иммиграционная политика стала следствием формирования новых политических отношений с бывшими колониями. В иммиграционных странах Северной Америки радикальная либерализация иммиграционной политики в 1960-х годах была направлена не только на удовлетворение потребностей экономического развития, но шла параллельно с внедрением либерально-республиканских норм в политическую культуру. В США устранение расистских барьеров в иммиграционной политике стало одним из результатов Движения за гражданские права. В Канаде либерализация иммиграционной политики совпала с формированием политики мультикультурализма.

Различия в официальных доктринах между «классическими националь-

³ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethniziät Konflikt / ed. by Klaus J. Bade, Osnabrück, 1996. С. 375.

ными» и «иммиграционными» государствами обуславливают различные политики в отношении этнокультурного разнообразия, возникающего в результате иммиграции из стран третьего мира в западные общества. Во Франции традиции республиканизма на практике оборачиваются жесткими требованиями к ассимиляции иммигрантов. Вхождение в политическое сообщество предполагает лояльность иммигрантов французской культуре. Имперские политические традиции в Великобритании привели к тому, что после распада Британской империи стала проводиться политика формирования современных представлений о «британскости» как о культурной категории (*patrials*). Терпимое отношение к выходцам из стран третьего мира допускается при условии, если они не разрушают традиции «британского стиля жизни». В США установка на иммиграцию как на фактор развития проходила параллельно с популяризацией идеи «плавильного котла». На уровне политической практики интеграция иммигрантов в американское общество проходила в формате *laissez-faire*, что так характерно для политической культуры США. «Ассимиляционизм» американской модели национальной интеграции проявлялся преимущественно в области языковой гомогенизации, что объяснялось прагматизмом и необходимостью использования английского языка как «языка современности». Фактическое невмешательство американского государства в практику повседневного социального взаимодействия привело к тому, что в публичном пространстве культурное многообразие проявлялось в сосуществовании ассоциаций по

конфессиональным признакам. Традиции политики *laissez-faire* ставят перед властями США новые проблемы, вызванные растущей партикуляризацией американского общества. Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки приводит к сегрегации этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространению испанского языка в школах как основного языка обучения и ставит новые вызовы перед правительством США.

В отличие от США, специфика модели национальной интеграции Канады заключается в том, что до 1970-х годов это государство формировалось в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух сообществ, каждое из которых воспринимало себя в качестве одной из «государствообразующих наций». Кроме того, политическая культура Канады отличается ярко выраженным государственным патернализмом. Иммиграция из стран третьего мира в Канаду во второй половине XX в., радикальное изменение этнодемографического состава и резкое увеличение культурного многообразия в обществе населения наложились на уже существующую бикультурную парадигму.

После Второй мировой войны в западных странах фокус в политике национальной интеграции сместился с *ассимиляции на инкорпорирование* в публичное пространство прав меньшинств, в том числе прав этнокультурных меньшинств. Этому явлению можно найти несколько объяснений. Во-первых, в западных странах началась популяризация идеи культурного признания наряду с внедрением либеральных норм в политическую культуру

ру. Для политической культуры Западной Европы особенно значимым событием стало учреждение либеральной республики в Западной Германии. Для стран Северной Америки поворотным моментом стало Движение за гражданские права в США. Во-вторых, масштабы и динамика иммиграции из стран третьего мира убедили правительства западных стран в невозможности дальнейшего проведения политик жесткой ассимиляции. Политики ассимиляции были обречены на провал в условиях существования многочисленных групп населения, культурные установки которых сильно отличались от норм большинства. Ассимиляция только бы усилила культурную и социальную отчужденность граждан иммигрантского происхождения, что поставило бы под угрозу целостность общества как такового. Следствием осознания необходимости выработки новых подходов к интеграции стал поворот к политикам признания культурных отличий в публичной сфере.

Поиск решения проблемы национальной интеграции в ФРГ. Высокие темпы экономического развития в 1960-е годы привели к утверждению в ФРГ политики трудовой миграции. В результате в Германии изменился этнодемографический состав населения. По причине того, что в Германии не работал принцип гражданской нации, население иммигрантского происхождения считалось «иностранном» до принятия нового Закона о гражданстве в 1999 г. До 2000 г. сохранялись установки немецкого правительства на этнокультурную модель нации. Практики бюрократии расходились с дей-

ствительностью, характеризовавшейся возрастающим этнокультурным многообразием немецкого общества. В Германии до сих пор идут общественно-политические дебаты по поводу признания иммиграционного характера немецкого общества.

Трудовые мигранты, значительная часть которых являлась выходцами из Турции, изначально определялись как рабочие с временным статусом, не предполагавшим их культурной и политической интеграции в принимающее общество. Программы по привлечению трудовых мигрантов, которые ограничивались предоставлением работникам-иммигрантам только социальных прав по условиям трудового договора, создали иллюзию временной миграции. Иностранному рабочему, имеющему только статус временных резидентов, предоставлялись социальные, а с 1990-х годов — и некоторые политические права. Они могли участвовать в выборах местных органов власти с 1996 г. Временные работники в Германии не были иммигрантами в юридическом смысле. Их статус обуславливался потребностями рыночной экономики. Фактически иммигранты были частью немецкого общества, будучи интегрированными во все сферы принимающего общества, кроме политической. Они занимали определенную позицию на рынке труда, участвовали в профсоюзных организациях, их дети ходили в немецкие школы и проходили социализацию в культурном пространстве Германии, но сохранялись барьеры для получения гражданства, которое считалось *условием интеграции иммигрантов в немецкое общество*. Политическая интеграция иммигрантов до 2000 г. была крайне затруд-

нительна по причине господства идеала культурно-гомогенного национального государства. В отличие от гражданской модели нации, обозначающей территориальное политическое сообщество, представители которого выражают приверженность определенным политическим принципам, принципы немецкой модели нации подчеркивают значимость общности культурного и языкового происхождения.

Формируемая политическая культура либерального республиканизма в Западной Германии в послевоенный период была оторвана от доминирующих представлений о немецкой нации как сообществе происхождения. Этнокультурная идея нации постоянно воспроизводила в публичном пространстве ФРГ дуализм «немцы — иностранцы». В политическом и идеологическом отношении ФРГ была менее подготовлена к включению больших масс иммигрантов по сравнению с др. странами, поэтому потоки иммигрантов, устремившиеся в страну в послевоенный период, представлялись только в экономических категориях⁴. В отличие от Франции, установки немецкой политической элиты не характеризовались стремлением проводить политику по культурной ассимиляции иммигрантов. Старая модель *volkisch*, на которой происходило объединение Германии в последней трети XIX в. до 1990-х годов, использовалась для формирования представления о национальной общности. Особая трудность связана с тем, что выстраивать национальную идею на основе апелляции к истории слож-

но: период нацизма делигитимировал обращение общества к историческому прошлому. Эта модель неприемлема для абсолютного большинства немецкой политической элиты из-за преступлений фашизма во имя *Volksgemeinschaft*⁵.

В 1990-х годах после распада коммунистического блока традиционный для Германии партикуляристский подход к вопросам гражданства, определяющий национальную принадлежность «по происхождению», а не по территории, был соединен с более универсалистским либерально-республиканским подходом в вопросах предоставления политического убежища. Статья 16 Основного закона, оговаривающая предоставление политического убежища, основывается на либеральных принципах⁶. Традиции определения нации как «сообщества культурного происхождения» парадоксальным образом соединились с новой либерально-республиканской политической культурой, которая распространилась в Западной Европе после 1945 г. В результате образовалась политическая аномалия: беженцы автоматически получали все социальные права, хотя перспективы их интеграции в немецкое общество до конца 1990-х годов были практически закрыты. «Этнические немцы», приехавшие в ФРГ из бывших республик СССР и резко отличавшиеся от остального общества в культурном отношении, автоматически наделялись политическими правами. В то время как потомки турецких и югославских иммигрантов, интегрированных в местную

⁴ См.: Hoskin M. Integration or Non-integration of Foreign Workers: Four Theories // *Political Psychology*, vol. 5, #4, 1984. С. 661–685.

⁵ Hollifield J. *The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethnizität Konflikt / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. С. 387.*

⁶ Там же.

жизнь на социальном уровне, официально считались «иностранцами»⁷.

Консенсус среди немецкой политической элиты в отношении иммиграционной политики заключался в замалчивании проблем интеграции и гражданства. В отличие от Франции, где существует национальное согласие в отношении республиканских традиций, у немецких политических элит нет единых представлений относительно организации общенациональной дискуссии по вопросам гражданства. Наследие нацизма сделало невозможным обращение немецких политических элит к истории для формирования единых представлений о немецкой национальной идентичности, и это обстоятельство внесло трудности в послевоенную политику интеграции. В условиях массовой послевоенной трудовой миграции и фактически полиэтничного общества немецкое правительство могло предложить иммигрантам только идею культурно-нейтрального государства всеобщего благосостояния и концепцию социального гражданства⁸. В условиях отсутствия единых представлений о политическом сообществе правительство Западной Германии не смогло выработать прозрачных механизмов для управления иммиграционными и интеграционными процессами.

⁷ См.: Малахов В.С. Вызов национальному государству. Мультикультурализм как политическая программа // Pro et contra. Т. 3. 1998, № 2. [Malahov V.S. Vyzov nacional'nomu gosudarstvu. Mul'tikul'turalizm kak politicheskaja programma // Pro et contra. Т. 3. 1998, № 2.]

⁸ См.: Joppke C. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain // Theory and Society. Vol. 25, № 4, 1996. P. 449–500.

В 1990-х годах среди немецких интеллектуалов стали распространяться идеи о необходимости признания культурной плюралистичности немецкого общества. В 1994 г. был опубликован либеральный «Манифест 60-ти», в котором заявлялось о необходимости внесения изменений в иммиграционную политику Германии. Это было публичное заявление о необходимости признания фактически иммиграционного характера немецкого общества⁹. Этот пример говорит о начавшемся дискурсивном повороте — общество осознало необходимость перехода от концепции гастарбайтера к концепции интеграции. Изменение публичного дискурса в 1990-х годах привело к внедрению элементов политики признания в некоторых областях общественной жизни, например, мультикультурный аспект был привнесен в учебные программы. Так называемая «баварская модель» двуязычного образования ставила своей целью поддерживать «языковую и культурную идентичность детей иностранцев»¹⁰. Подобная «мультикультурализация» в сфере образования не решала проблемы интеграции в немецком обществе, а только способствовала культурной сегрегации иммигрантов. В условиях отсутствия перспектив получения гражданства они могли интегрироваться только в социальную и экономическую сферы в немецком обществе.

Сохранение статус-кво в вопросах гражданства до 1999 г. не позволило иммигрантам проходить процесс натурализации и обретать политические

⁹ См.: Малахов В.С. Указ. соч.

¹⁰ См.: Joppke C. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain // Theory and Society. Vol. 25, № 4, 1996. P. 449–500.

права. Правовые препятствия на пути натурализации приводили к политической маргинализации иммигрантов. Новый закон о гражданстве, принятый в 2000 г., предоставил иммигрантам возможность получения немецкого гражданства по рождению для детей, один из родителей которых постоянно и легально проживает в Германии¹¹. Также был введен институт двойного гражданства и Green card для привлечения высококвалифицированной рабочей силы. До сих пор в публичном дискурсе Германии отсутствует специальная терминология для обозначения статуса иммигрантов, и в этом проявляется неопределенная позиция властей в отношении характера немецкого общества.

Кризис французской модели гражданского универсализма. Во Франции, которая занимает второе место в Западной Европе по количеству населения иммигрантского происхождения¹², модель национальной интеграции выстраивается на идее гражданского универсализма¹³. Особенности политической истории Франции, борьба с католической церковью за утверждение секулярной национальной идентичности обусловили специфику фран-

цузской модели «этноцентричного ассимиляционизма». Французская политическая культура предполагает культурную гомогенность публичного пространства, отрицая идею признания прав меньшинств на проявление культурных отличий в публичном пространстве. Французская модель признает только индивидуальную интеграцию в политическое сообщество. Между государством и гражданами не существует посредников из так называемых «диаспорических институтов». Целостность общества возможна благодаря равенству возможностей, гарантированных сильным централизованным государством. Проявления этнического и культурного многообразия вытесняются в приватную сферу.

В соответствии с принципами, заложенными в Декларации о правах человека и гражданина, национальная интеграция строится в формате республиканизма со строгим соблюдением секулярных принципов в публичном пространстве. Французский идеал нации как сообщества граждан означает не только политическое, но и культурное членство в ней. В отношении иммигрантов эта установка проявляется в политике культурной ассимиляции. Так как французская политическая культура признает только культурную однородность публичного пространства, этнокультурные меньшинства и локальные этнические общины не признаются на национальном уровне. Французская эгалитарная модель предполагает ассимиляцию иммигрантов в сфере языка и культуры, поглощение и растворение иных культур в «высокой» французской культуре. В некоторых случаях поощрение культурной ассимиляции проявля-

¹¹ Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. Июль. С. 55. [Karachurina L. Immigracionnaja politika Germanii: uspeshnyj i neuspeshnyj opyt // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2008. Ijul'.]

¹² В настоящее время около 10% французского населения составляют выходцы из стран Магриба.

¹³ Симптоматично, что французский закон о защите информации от 1978 г. запрещает предоставление статистических данных в таких категориях, которые явно или косвенно указывали бы на этнокультурное происхождение гражданина республики.

ется в курьезных ситуациях. Например, с 1972 г. французское государство поощряло практику изменения иммигрантами имен и фамилий в тех случаях, если оригинальные имена способны помешать процессам их интеграции в принимающее общество¹⁴.

Процессы деколонизации, экономический бум 1960-х годов и стремление Франции сохранить влияние в Северной Африке привели к формированию политики открытой иммиграции в 1960-х годах¹⁵. Начался массовый приток мигрантов из новых независимых стран Северной Африки (Алжира, Марокко и Туниса), а к 1960-м годам алжирцы стали самым многочисленным иммигрантским сообществом во Франции. В отличие от Германии, которая принимала трудовых мигрантов и предоставляла им только социальные права, во Франции по положениям Эвианского соглашения об окончании войны в Алжире был обеспечен специальный правовой статус алжирцев как «постколониальных субъектов», согласно которому алжирцы пользовались правом свободного доступа в бывшую метрополию до 1980-х годов¹⁶.

Отличие французской модели национальной интеграции от немецкой и, соответственно, характер проблем интеграции иммигрантов, обусловлены различными концепциями в определе-

нии нации. Если в немецкой традиции нацией считается «сообщество культурного происхождения», то во Франции национальное сообщество есть сообщество политическое. Французская иммиграционная политика отличается отсутствием расовых и этнических барьеров, но обязательным условием успешной интеграции является соблюдение иммигрантами норм гражданского универсализма. Важным отличием французской ситуации от немецкой является то обстоятельство, что во французском обществе существует политический консенсус по поводу иммиграционной политики и вопросов предоставления гражданства. Во Франции попытки ограничить процессы иммиграции и натурализации наталкиваются на конституционные нормы либерально-республиканского характера. Конституция Франции гарантирует незыблемость универсалистских и эгалитарных республиканских принципов. В 1970–1980-х годах предпринимались попытки ограничить процессы воссоединения иммигрантских семей. Конституционный совет Франции восстановил торжество республиканских принципов в этом вопросе. Во Франции, в отличие от Германии, невозможно изменить либеральный характер процедуры предоставления политического убежища: преамбула 146 к Основному закону обязывает к рассмотрению всех заявлений на получение статуса беженца¹⁷.

Идеология французского республиканизма признает культурные различия только между гражданами и иностран-

¹⁴ Banton M. National Integration in France and Britain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27, № 1. P. 151–168.

¹⁵ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethniziät Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 367–367.

¹⁶ Heisler B. Sending Countries and the Politics of Emigration and Destination // *International Migration Review*. Vol. 19, № 3. Special Issue: Civil Rights and the Sociopolitical Participation of Migrants. 1985. P. 469–484.

¹⁷ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethniziät Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 385.

цами¹⁸. Граждане Французской Республики должны выражать лояльность только французской культуре, что является условием их правового равенства. Однако при этом следует подчеркнуть: традиции французского республиканизма, основанные на признании формального равенства всех граждан, независимо от их этнокультурного происхождения, вступают в конфликт с фактическим социально-экономическим неравенством между «коренным населением» и поколениями иммигрантов. Восстания в парижских предместьях в 2005 г. рассматривались правительством как социально-экономическая проблема молодого поколения французских граждан. Французская бюрократия даже не рассматривает возможность того, что молодежь иммигрантского происхождения станет выдвигать политические требования на основании культурных категорий.

В последнее время во Франции наблюдается кризис ассимиляционистского подхода. В условиях, когда во Франции насчитывается около 10% выходцев из стран Магриба, институты французского общества продолжают работать по инерции, практически не предоставляя пространства для выражения культурного многообразия. Наиболее явно инерционность ассимиляционистского подхода проявилась в общественно-политическом напряжении по поводу принятия Закона о религиозных символах в 2004 г., запретившего носить религиозные символы, в том числе и мусульманский платок, в государственных школах, на том основании, что

¹⁸ Banton M. National Integration in France and Britain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27, № 1. P. 151–168.

школы являются институтами, где прививаются «фундаментальные принципы французской гражданственности».

Специфика британской модели национальной интеграции. Интеграционная политика Великобритании обусловлена имперским прошлым этого государства. После демонтажа колониальной системы и образования Британского Содружества за выходцами из бывших колоний был сохранен статус «подданных британской королевы» с правом свободного въезда в бывшую метрополию¹⁹. Иначе говоря, в 1960–1970-х годах в Британии была принята имперская концепция гражданства, в основу которой была положена личная лояльность Королеве²⁰. Иммиграционные потоки из стран Содружества, в первую очередь из стран Карибского бассейна, Пакистана, Индии и Бангладеш, привели не столько к проблемам иммиграционного контроля, сколько к проблемам интеграции «цветных» меньшинств в ситуации расиализированного публичного пространства. Расиализированность британского публичного пространства заключается в том, что бюрократия использует расовые категории для классификации населения, и «расовые отношения» на официальном уровне выделяются как отдельная область социальных отношений.

Законодательство в иммиграционной сфере стало базой для формулирования послевоенных законов о

¹⁹ Donley T. British Public Opinion, Color Issues, and Enoch Powell: A Longitudinal Analysis // *British Journal of Political Science*. Cambridge University Press. Vol. 4, № 3, July 1974. P. 371–381.

²⁰ Paul K. “British Subjects” and “British Stock”: Labour’s Postwar Imperialism // *The Journal of British Studies*. 1995. Vol. 34, № 2. P. 236.

гражданстве в Великобритании. Постепенное ужесточение иммиграционных положений свидетельствовало о наметившейся в британской политической элите установке на отказ от имперской концепции гражданства и переход к иерархизированной концепции гражданства. Эти процессы проходили в условиях воспроизводящихся сегрегации и расиализации британского общества. Еще во второй половине 1960-х годов в Великобритании нарастало политическое давление по поводу изменения иммиграционной политики. Кульминационным моментом этих событий стала речь министра внутренних дел Энока Пауэлла о «реках крови», которые могут пролиться в стране, если будет сохранен статус «поданных британской короны» для выходцев из бывших колоний и их свободный въезд в бывшую метрополию. На практике такой поворот проявился в принятии Закона Британского Содружества в 1968 г., положившего запрет на свободный въезд в экс-метрополию выходцам из Кении²¹. Стала наблюдаться тенденция к ограничению притока иммигрантов из стран третьего мира. Однако политические кризисы в ряде африканских стран (Малави и Уганде) в 1970-х годах привели к новым потокам иммигрантов из этих стран²².

Особенностью британской модели национальной интеграции является принятие *концепции аккомодации для*

*интеграции меньшинств*²³. В рассматриваемом контексте аккомодация заключается в создании институциональных возможностей для интеграции этнокультурных меньшинств в качестве групп в британское общество. Аккомодация как принцип интеграции отражена в британском Законе о гражданстве 1981 г., принятом первым кабинетом М. Тэтчер. Закон отменил имперскую концепцию «британского подданства» и утвердил иерархизированное гражданство, указывающее на различные категории «британскости», тем самым систематизируя отношения Великобритании с бывшими колониями. Закон был сформулирован на положениях Законов об иммиграции от 1962 г., 1968 г. и 1971 г.²⁴ Уже иммиграционное законодательство от 1971 г. содержало такое положение как «partiality clause», обозначавшее право на свободный въезд в Великобританию только британцам. «Partiality clause» создало правовые условия для переформулирования британской концепции гражданства в этнокультурных категориях. Согласно Закону о гражданстве от 1981 г., учреждались три категории гражданства: британские граждане (привилегированная категория граждан), граждане Зависимых территорий и граждане Заморских британских территорий²⁵.

²¹ Hansen R. and King D. Illiberalism and the New Politics of Asylum: Liberalism's Dark Side // URL: www.chass.utoronto.ca/~rhansen/Articles-files/20001.pdf

²² См.: Robinson V. The Migration of East African Asians to the United Kingdom // Cambridge Survey of World Migration / ed. by Robin Cohen. Cambridge University Press, 1995.

²³ IJijphart A. The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands, Berkeley and Los Angeles. University of California Press, 1968 // in Brian Barry, Political Accommodation and Consociational Democracy // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5, № 4. P. 477–505.

²⁴ Dixon D. Thatcher's People: The British Nationality Act 1981 // Journal of Law and Society. 1983. Vol. 10, № 2. P. 161–180.

²⁵ Ibid.

В отличие от Франции, где господствуют универсалистские традиции и республиканская идеология гражданства (показательно, что французское правительство не ввело отдельной категории гражданства для франко-алжирцев, рожденных в Алжире до 1962 г.), британская политическая культура не предполагала правовых или идеологических обязательств правительства для сохранения общего британского подданства. Исключение было сделано только для так называемых «коренных жителей» (*patrials*), т.е. иммигрантов, проживающих в Великобритании в третьем поколении, и «белых» выходцев из колоний. В отношении иммиграционной политики Закон о гражданстве от 1981 г. фактически кодифицировал систему квот, основанную на национальном и этническом происхождении: выходцы из Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки и Канады («белые») получили право свободного въезда и получения вида на постоянное жительство в Великобритании. Однако выходцам из стран Карибского бассейна и Индостана (бывшие британские подданные) доступ в Великобританию был ограничен. Исключение было сделано только для граждан Гонконга²⁶.

В результате таких изменений в Британии сформировалась сегрегированная модель национальной интеграции, признающая *статусные отличия представителей различных этнокультурных меньшинств*. Специфика британской политической ситуации в по-

слевоенный период заключалась в том, что после распада империи британскому правительству пришлось переопределять правовое положение «цветных» иммигрантов, которые до тех пор попадали под общую категорию «британских подданных». Можно констатировать, что в послевоенный период в британском публичном пространстве одновременно происходили два явления. С одной стороны, наблюдалась некоторая акцентуация «британскости» и институционализация иерархизированной концепции гражданства. Это проявилось во введении в правовую и политическую практику терминов для обозначения различных «категорий» граждан в зависимости от их этнокультурного происхождения. С другой стороны, были созданы институциональные условия для выражения культурных различий в публичном пространстве. Например, в Великобритании никогда не запрещалось создание общественных организаций по этнокультурному признаку, в то время как во Франции запрет на учреждение подобных организаций действовал до 1982 г. Кроме того, в 1991 г. в Великобритании в анкеты по проведению переписи населения впервые был внесен вопрос об этнической идентичности²⁷.

Как мы уже показывали выше, британская специфика в проблеме интеграции иммигрантов заключается во включении меньшинств в принимающее общество в качестве групп и в институционализации «расовых отношений». «Расовые» категории применяются в кон-

²⁶ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethnizität Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 392.

²⁷ Peach C. Does Britain Have Ghettos? // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1996. Vol. 21, № 1. P. 216–223.

тексте борьбы с дискриминацией, т.к. только как представитель «расы» гражданин имеет права на компенсаторное отношение в результате дискриминации. Таким образом, признание групповых прав в Британии происходит в парадигме «расовых отношений».

Существенное влияние на интеграционную политику в Великобритании оказывает то обстоятельство, что в отличие от Франции и Германии, в Великобритании политический класс принимает факт полиэтничности общества с возможными последствиями культурного и политического характера. Признание полиэтничности в конечном счете привело к признанию иммиграционного характера британского общества. Соответствующий закон был принят в 1997 г., согласно которому провозглашалась новая иммиграционная политика, построенная на системе баллов и поощряющая въезд в страну высококвалифицированных специалистов²⁸. Эта политика была направлена на поощрение трудовой иммиграции. Иммиграция стала рассматриваться как значимый фактор экономического и социального развития Великобритании.

Тем не менее риторика британского политического класса строится на представлениях о необходимости сохранения культурных иерархий, определяющих британскую идентичность. Культурное многообразие допускается при условии, если оно не вступает в конфликт и не оспаривает традиционные британские ценности. По словам британского министра внутренних

дел Джона Паттена, британское гражданство не предполагает соединения двух конфликтующих лояльностей²⁹. Подобная риторика в первую очередь относится к британским мусульманам.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что *специфика британской модели национальной интеграции* заключается в следующих положениях:

- признание факта полиэтничности общества;
- институционализация «расовых отношений»;
- принцип включения этнокультурных меньшинств в качестве групп в политическую жизнь страны;
- признание иммиграционного характера общества.

США: «правильный котел», «салатница» или «laissez-faire»: риторика versus практика. Особенности американской модели национальной интеграции объясняются *спецификой политической культуры США*. Во-первых, следует отметить высокое политическое влияние судебных инстанций. Система разделения властей в США такова, что решения исполнительной и законодательной власти на всех уровнях проходят обязательный судебный контроль. Это обстоятельство определило ярко выраженный *легалистский характер политической культуры*. Во-вторых, Движение за гражданское равноправие полностью изменило идею гражданства в США: утвердились нормы *либерального республиканизма* и кон-

²⁸ Coleman D. and Rowthorn R. The Economic Effects of Immigration to the United Kingdom // Population and Development Review. 2004. Vol. 30, № 4. P. 579–624.

²⁹ См.: Talal Asad. Multiculturalism and British Identity in the Wake of the Rushdie Affair // Politics and Society. 1990. Vol. 18, № 4. P. 455–480.

цепция инклюзивного гражданства. До 1960-х годов механизмы гражданского включения, построенные на идеологии «черно-белого» расизма, были крайне ограничительными. Опыт сегрегации афроамериканцев является одной из особенностей политической истории США. В-третьих, отличительной чертой американского республиканизма является *официальная доктрина иммиграционного государства*. Иммиграция, несмотря на наличие в прошлом расистских барьеров, всегда считалась образующим элементом в формировании американской нации³⁰.

Принятие иммигрантов различного этнокультурного происхождения сформировало гражданскую и политическую культуру в США. В «классических национальных» государствах Западной Европы политическое сообщество предполагает существование этнокультурной «сердцевины» нации, в которую затем стали «вливаться» иммигранты. Опыт иммиграции не вошел в мифологию национального строительства в Германии и Франции, хотя в настоящее время общества в этих странах являются иммиграционными де-факто. В политическом же дискурсе США отсутствует само представление об этнокультурном ядре. Американская нация построена на принципах «гражданского национализма», предполагающего лояльность политическим идеалам американского республиканизма. Абстрактные гражданские принципы стали в США национальным мифом и определили то смысловое поле, в котором формируется национальная идентичность. В отли-

чие от Франции, где гражданская концепция нации сосуществует с сильным давлением в плане культурной ассимиляции, в США, несмотря на популяризацию до 1960-х годов ассимиляторской концепции «плавильного котла», практическая интеграция постоянно прибывающих иммигрантов проходила в условиях политики культурного невмешательства. Культурное многообразие общества фактически не вытеснялось в приватную сферу и находило выражение в публичной сфере, например, на уровне конфессиональных ассоциаций. В американском обществе процессы культурной ассимиляции ограничились языковой гомогенизацией по вполне прагматическим причинам.

Вплоть до 1960-х годов американская модель национальной интеграции отличалась крайней ограниченностью. Во-первых, афроамериканцы были вытеснены из гражданско-политической жизни. Во-вторых, иммиграционная политика характеризовалась наличием эксплицитных расистских барьеров. Модель национальной интеграции, сложившаяся в США во второй половине XX в., стала результатом Движения за гражданское равноправие в 1950–1960-х годах. Движение за гражданское равноправие привело к радикальным дискурсивным изменениям в публичном пространстве США. Во-первых, евроцентричная концепция плавильного котла утратила легитимность. Во-вторых, Движение за гражданское равноправие формально искоренило практику сегрегации и полностью трансформировало американскую политическую культуру. Закон о гражданских правах от 1964 г. отменил все ограничительные цензы для участия

³⁰ Philip M.I. Immigration in the United States // URL: www.ics.berkeley.edu/pubs/workingpapers/CIIP-2-PLM-United-States.pdf

в федеральных выборах. Публичное пространство в США стало формально инклюзивным для всех этнокультурных меньшинств. В-третьих, Движение за гражданское равноправие имело своим следствием либерализацию иммиграционной политики. Сразу после принятия Закона о гражданских правах в 1964 г. был принят Закон об иммиграции, запретивший систему квот для иммигрантов по национальному и расовому признаку и аннулировавший запрет на иммиграцию из стран Азии³¹. Либерализация иммиграционной политики привела к четвертой мощной волне иммиграции в истории США: 2,5 млн иммигрантов в 1950-х годах, 3,8 млн в 1960-х годах, 7 млн в 1970-х годах, более 10 млн в 1980-х годах³².

Движение за гражданское равноправие изменило концепцию гражданства не только в США. В силу политического и культурного господства США в послевоенном мировом порядке изменения в американской политической культуре оказали влияние на политический ландшафт и в других западных странах. Новый американский «либеральный республиканизм» содержал более универалистскую концепцию гражданства, основанную на идее формально культурного нейтралитета со стороны государства, на принципах индивидуальных прав и свобод в ущерб групповым привилегиям. Американский либеральный республиканизм

положил *правовую процедуру* в основу национального консенсуса. Легалистские принципы в политической культуре США поместили правовую процедуру во главу угла во взаимоотношениях между индивидуумами и государством.

В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира. Был приведен к единообразию процесс натурализации для иммигрантов вне зависимости от их этничности и страны происхождения. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп. Возросла значимость судебных инстанций в реализации иммигрантами полных гражданских прав. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы³³.

Во второй половине XX в. в публичном пространстве США произошел дискурсивный поворот — для описания состояния американского общества стала использоваться метафора «салатницы» или «симфонии» вместо «плавильного котла». Это произошло, во-первых, потому, что радикальная либерализация иммиграционной политики привела в резкому увеличению этнокультурного многообразия в стране. Во-вторых, институты, сформировавшиеся в результате Движения за гражданское равноправие, создали правовые основания, позволяющие иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания группо-

³¹ Massey S.D. The New Immigration and Ethnicity in the United States // Population and Development Review. 1995. Vol. 21, № 3. P. 631–652.

³² Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethniziät Konflikt / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 393.

³³ Ibid. P. 395.

вых прав в публичной сфере. В-третьих, на уровне практики появление новых многочисленных групп иммигрантского происхождения приводит не только к культурной гибридизации в повседневном взаимодействии, но и к добровольной сегрегации некоторых групп населения. В последние десятилетия на уровне повседневного взаимодействия происходит некоторая сегрегация американского общества, особенно это характерно для урбанизированных районов. В школьных кафетериях иммигранты второго и третьего поколений общаются в компаниях на основе общего этнокультурного происхождения своих родителей. В школах существуют студенческие ассоциации для афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и стран Азии. Можно утверждать, что происходит балканизация населения — возникновение конфликтующих в политическом отношении этнокультурных групп, борющихся за признание в рамках юрисдикции штата законов, благоприятствующих их интеграции, например, на Майами общественно-политическое напряжение наблюдается между испаноязычным сообществом и афроамериканцами. Этот феномен возникает в результате геттоизации, а также как следствие растущего желания иммигрантов репрезентировать себя в этнической и расовой перспективе.

Специфика модели национальной интеграции в Канаде. Для определения специфики модели национальной интеграции в Канаде автор считает целесообразным обозначить ключевые сходства и различия между канадской и американской политическими историями и культурами. Канада и США от-

личаются максимально открытой публичной культурой на фоне всех других либеральных демократий. Это можно объяснить некоторым сходством в политической истории двух государств. Во-первых, обе страны произошли из поселений колонистов, т.е. являются иммиграционными. В обеих странах иммиграция официально признается в качестве основного фактора экономического и культурного развития. Во-вторых, в XIX в. в Канаде и США происходило освоение западных территорий, в результате которого сформировалась специфическая североамериканская культура поведения. В отличие от США, Канада начала проект своего национального строительства не на формально ассимиляционистской, а на бикультурной основе (создание Канадской конфедерации в 1867 г.). Во-первых, присутствие в канадском публичном пространстве двух этнокультурных общин, претендующих на статус «государствообразующих наций», изначально обусловило специфику политической культуры в этой стране и установку на культурный плюрализм. Во-вторых, отсутствие опыта рабства и, соответственно, «черно-белого» расизма, а также более терпимое отношение к индейскому населению определили то обстоятельство, что политика национальной интеграции в Канаде развивалась эволюционно как расширение принципа толерантности.

Одним из ведущих факторов, обусловивших специфику канадской политической культуры, стал тот факт, что вплоть до 1960-х годов существовала политическая взаимосвязь между Канадой и бывшей метрополией Великобритании. Особенно явно это прослежи-

валось в такие значимые моменты, как объявление войны. Когда британский парламент голосовал за начало военных действий в англо-бурской войне, Первой и Второй мировых войнах, Канада всегда поддерживала свою метрополию. До 1982 г. Конституцией Канадской конфедерации являлся британский Закон об управлении североамериканскими территориями (*British North America Act*), объявленный королевой Викторией в 1867 г., а до 1947 г. у жителей канадских территорий не было даже отдельного гражданства — все являлись поданными Королевы³⁴.

Как уже упоминалось выше, в Канаде основополагающим фактором в формировании нации стала иммиграция. До окончания Второй мировой войны иммиграционная политика Канады не отличалась последовательностью и строилась на расистских принципах, так как в страну в первую очередь принимались выходцы из англосаксонских стран, континентальной и Восточной Европы. Либерализация канадской иммиграционной политики в 1960-х годах, массовый приток иммигрантов из стран третьего мира и растущее недовольство потомков иммигрантов из стран континентальной и Восточной Европы (украинцев и немцев) официальной бикультурной политикой в условиях фактического культурного плюрализма обусловили переход от идеологии бикультурализма к мультикультурализму в 1970-х годах. Любопытно, что формирование политики мультикультурализма совпало с внедрением некоторых либерально-республиканских норм в

политическую культуру Канады. В частности, принципы мультикультурализма как государственной идеологии прописаны в Хартии прав и свобод. Хартия прав и свобод является частью Основного закона страны, принятого в 1982 г., в котором конституционно закрепляется примат индивидуальных прав над групповыми привилегиями при сохранении возможностей истребования отдельных прав для этнокультурных меньшинств. С принятием Конституции политическая культура в Канаде приняла более легалистский характер, что повлекло за собой повышение значимости правовых процедур для решения споров, связанных с практикой мультикультурализма. Для того, чтобы добиться признания / институционализации определенной культурной нормы, представители этнокультурных меньшинств проводят свои требования через судебные инстанции. Иначе говоря, культурные права не приписываются — они обретаются этнокультурными меньшинствами в результате процедурных мероприятий.

Итак, в 1970–1980-х годах в Канаде произошла радикальная либерализация публичного пространства. Это стало следствием предшествующей либерализации иммиграционной политики. В условиях фактического культурного плюрализма возобладал либеральный принцип функционирования публичной сферы. Официальная доктрина, сформулированная правительством П. Трюдо, институционализированная в Хартии прав и свобод и ставшая основой канадской модели национальной интеграции, признавала вклад всех этнокультурных меньшинств в развитие общей канадской культуры. В Канаде

³⁴ Lipset S. *The Canadian Identity*, *International Journal of Canadian Studies*. 2006. 33–34. P. 87.

предпринята попытка соединить либерально-универсалистские принципы с идеологией мультикультурализма. Во-первых, за меньшинствами признается право воспроизводить культурные нормы страны происхождения (или некие гибридные нормы, которые могут сформироваться в условиях проживания в иммиграционной стране). С другой стороны, индивидуальные права однозначно занимают господствующее положение в правовой культуре Канады.

Иммиграционный характер Канады и специфика политической истории этой страны привели к тому, что представления о национальной идентичности сформировались только во второй половине XX в. в качестве реакции на рост сепаратизма в Квебеке, а также совпали с необходимостью проведения максимально гибкой политики в отношении интеграции иммигрантов. Необходимость интегрирования исторических и иммигрантских этнокультурных меньшинств определила обращение канадского государства к идее мультикультурализма.

Заключение. Автор обозначает следующие основные причины, обусловившие переход к плюралистическим моделям национальной интеграции в ряде стран либеральной демократии. Во-первых, страны Запада в послевоенный период испытали массовую иммиграцию из стран «третьего мира». Соответственно, в той или иной степени происходила либерализацию иммиграционной политики. Во-вторых, в послевоенный период наблюдалась явная тенденция к республиканизации политической культуры в странах либеральной демократии в результате идейного

влияния Движения за гражданское равноправие в США. Различные политики в отношении этнокультурного разнообразия, возникающего в результате иммиграции, обуславливаются различиями в официальных доктринах между «классическими национальными» и «иммиграционными» государствами. Во Франции традиции республиканизма на практике оборачиваются жесткими требованиями к культурной ассимиляции иммигрантов. Вхождение в политическое сообщество предполагает лояльность иммигрантов французской культуре. В Германии до 2000 г. стать членом немецкой нации возможно было только по этническому признаку, и до сих пор процедуры натурализации затруднены. Имперские политические традиции в Великобритании привели к тому, что именно после распада Британской империи стала проводиться политика формирования современных представлений о «британскости» как культурной категории (*patrials*). Терпимое отношение к выходцам из стран третьего мира допускается при условии, если они не разрушают традиции «британского стиля жизни». В США установка на иммиграцию как на фактор развития проходила параллельно с идеологией «плавильного котла». На практике это вылилось в сосуществование в публичном пространстве ассоциаций по конфессиональным признакам, в рамках которых и обнаруживалось «культурное многообразие». Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки приводит к некоторой сегрегации этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространению испанского языка в школах как основного языка

обучения в ряде штатов и ставит новые вызовы перед правительством США. Специфика модели национальной интеграции в Канаде заключается в том, что это государство формировалось в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух сообществ, каждое из которых воспринимало се-

бя в качестве государствообразующего сообщества. Дуализм канадской политической культуры обусловил устойчивую установку элит в этой стране сначала на бикультурализм, а впоследствии на культурный плюрализм как на возможность сохранения политической целостности.

Модели национальной интеграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде в послевоенный период в условиях возрастающих иммиграционных потоков

Зайка Ксения Валерьевна, кандидат политических наук

Аннотация. В статье приводится характеристика иммиграционных моделей в условиях возрастающей иммиграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде. В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, государства Северной Америки, возникшие в результате поселений колонистов из различных стран, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Хотя публичная культура в иммиграционных государствах (США, Канада в данном случае) формировалась по определенным культурным образцам, представления об «этнокультурном ядре» нации для них не характерны. Одной из причин современных проблем интеграции в западных странах является борьба иммигрантов за признание их культурных прав в публичном пространстве принимающего общества. Различия в политической культуре между иммиграционными государствами Северной Америки и «национальными» западноевропейскими государствами определяют различный уровень институционализации культурных прав иммигрантов и, соответственно, специфику интеграционных проблем.

Ключевые слова: национальная интеграция, иммиграционный режим, культурный плюрализм, «классический национализм», мультикультурализм.

Models of National Integration in Post-War Germany, France, the UK, the US and Canada with Growing Immigration Influx

Ksenia Zaika, Ph.D. in Political Science

Abstract. The article presents immigration models of Germany, France, Great Britain, the US and Canada. North-American states differ from the 'classic-nationalist' European states in that they have considered immigration an important factor in their development from the very beginning of their political existence. Although political culture in these countries (the US and Canada) was formed under certain influence, the idea of an 'ethno-cultural core' is foreign to them. One of the biggest problems of immigrant integration in Western countries is that immigrants insist on having cultural rights within the public sphere of the receiving country and expect to see them respected. The difference in political culture between immigrant countries of North America and 'nation states' of Europe determine the two ways cultural rights are institutionalized in those countries and consequently the exact type of integration problems the countries face.

Key words: national integration, immigration regime, cultural pluralism, 'classical nationalism', multiculturalism.